

et ce qui est d'origine savante» (там же). Совершенно справедливо Э. Петрович подчеркивает необходимость проведения такого различия между устными заимствованиями и заимствованиями книжными, что можно реализовать путем изучения фонетической стороны слов (напр. *sobor* — диал. *šbor, šăvîrși—šfirși*, слова с суффиксами *-enie, -anie* и др.), а также их лексико-семантического анализа (напр. церковная терминология, ряд терминов, относящихся к письменности и т.п.).

В последнее время этим вопросом занимались Татьяна Фотич¹, П. П. Панаитеску², а также, частично, Лучия Джамо и Ольга Стойкович³, автор этих строк⁴ и др.

Несмотря на это, еще до сих пор продолжает существовать определенная неясность при приурочении слов в этимологической части толковых и исторических словарей румынского языка. Обычно этимология какого-нибудь древне-южнославянского (болгарского) слова определяется как «старославянская», хотя под этим термином принято понимать именно древнейший литературный, письменный язык славян. Поэтому в словарях не указывается определено, проникло ли данное слово из живых славяно-болгарских говоров, или же из книжнославянского (в основе, старославянского) языка.

Исходя именно из необходимости показать, какие слова проникли в румынский язык из книжнославянского языка, мы попытаемся привести ряд примеров, отбирая, главным образом, те, которые выдержали испытание временем и употребляются до сих пор в румынском литературном и народном языке⁵.

Когда начинают проникать книжнославянские элементы в румынский язык? Теоретически следует допустить, что уже начиная с X—XI вв., одновременно с проникновением славянской письменности, и в особенности в период ее расцвета в румынских землях (XIV—XV вв.) румынский язык принял ряд славянских слов, особенно названия основных церковных понятий, а также ряд общественно-политических терминов.

На самом деле, такое книжное, церковное слово как *sfînt* «святой» явно проникло в румынский народный язык еще до полной деназализации носовых в болгарском языке, во всяком случае до появления первых румынских письменных памятников в XVI в. Об этом косвенно свидетельствует также появление в румынских текстах XVI—XVII вв. дублетной, поздней книжнославянской (среднеболгарской) формы *sveti, sfeta*. Подобным образом уже в Бистрицком помяннике (XV в.) встре-

¹ TATIANA FOTITCH, *Abstract Terminology in the Rumanian Version of the Liturgy of Saint John Chrysostomos*, «Orbis», VI, 1, Louvain, 1956, стр. 168—176.

² P. P. PANAITESCU, *Urme din vremea orinduirii feudale în vocabularul limbii romine*, «Studii și cercetări lingvistice», IX, 1958, No 2, стр. 159—173.

³ LUCIA DJAMO și OLGA STOICOVICI, *Din terminologia socială a documentelor slavo-moldovenești din sec. al XIV-lea și al XV-lea*, Rsl, VI, 1962, стр. 61—92.

⁴ G. MIHAILĂ, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba romină. Studiu lexico-semantic*, București, 1960 (особенно стр. 138—148).

⁵ Для этих целей мы будем опираться особенно на *Dictionarul limbii romine moderne*, Ed. Acad. R.P.R., București, 1958 — сокращенно D, а также на *Dictionarul limbii romine literare contemporane*, vol. I—IV, Ed. Acad. R.P.R., 1955—1957 — сокращенно D L. Другие сокращения даются в конце статьи.